

Сергей Посохов

(Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина)

Ректор университета в бюрократической системе Российской империи XIX – начала XX века

*Rector of the University in the Bureaucratic System of the Russian Empire
in the 19th – Early 20th Centuries*

РЕЗЮМЕ

В статье отмечена противоречивость оценок, которые встречаются в научной литературе при характеристике роли ректора университета как управленца. Автор выделяет правовой, организационный и социокультурный аспекты проблемы. Для конкретизации ряда выводов используются результаты анализа базы данных, которая включает сведения биографического характера о 99 ректорах пяти университетов Российской империи (Казанского, Киевского, Московского, Петербургского, Харьковского). В частности, отмечено постепенное повышение табельного ранга ректора. Ректоры университетов, войдя в круг высших чиновников, но, одновременно, представляя либеральные круги университетской общественности, стали важным элементом так называемой «либеральной бюрократии».

Ключевые слова: ректор университета, бюрократия Российской империи, либеральная бюрократия

Историография вопроса. Роль ректора в бюрократической системе Российской империи охарактеризовать не так просто. Это, прежде всего, связано с двойственностью его положения (с одной стороны, он выполнял функции чиновника Министерства народного просвещения, но с другой, являлся представителем, часто избранным, университетской корпорации). Об этой двойственности не только ректора, но и университетской профессуры в целом, писали еще в советской историографии. Однако, если говорить об историографии вопроса, то в научной и публицистической литературе роль ректора получила весьма противоречивые оценки. Прежде всего, отметим, что в дореволюционное время,

да и позже, ректор был «заслонен» другим «бюрократом от просвещения» – попечителем. Последний выглядел как «внешнее зло», которое сковывало университет, как «душитель» университетской автономии. На таком фоне ректор вполне мог выглядеть как представитель «утнетаемой коллегии», как жертва. Впрочем, в 1920-е – 1930-е годы и попечителей, и ректоров стали объединять, поскольку все управленческие формы «старого режима» однозначно назывались «отсталыми», а то и «враждебными». Более того, не только попечитель и ректор, но и университетские Советы стали трактоваться как элементы системы управления, направленной на сохранение самодержавного строя. Ректоры университета при этом часто характеризовались как крайние реакционеры, «мракобесы», на них стали смотреть как на исполнителей воли преступной власти. Ректор выступал как «грубый функционер», в том числе по отношению к университетскому Совету. В частности, относительно периода действия устава 1884 г. отмечалось, что «совет был игрушкой в руках реакционного ректора, который руководил университетом посредством специально подобранных, назначенных царским министром, деканов»¹. Такие оценки и мнения можно встретить и в работах по истории университетов более позднего времени. В частности, отмечалось, что «выборные университетские органы на самом деле ничего не значили»², что «на должность ректора, деканов и профессоров правительство назначало только тех, кто доказал свою преданность самодержавию»³. На образ руководителей университета влияли и такие высказывания: «Большое место в деятельности администрации университета занимал надзор за политической благонадежностью студентов и преподавателей, который осуществлялся в тесном контакте с жандармским управлением, полицией, генерал-губернатором»⁴. Соответственно, в одной из юбилейных работ Киевского университета отмечалось, что в конце XIX – начале XX в. ректоры «были жандармами в профессорских мундирах, проводниками реакционной политики царизма в области высшего образования, жестоко расправлялись с демократическим студенческим движением. [...] Такими же были и деканы, что назначались министром из самой реакционной части профессуры»⁵.

¹ *Одесский университет за 75 лет (1865–1940)*, ред. К.П. Добролюбский, Н.А. Савчук, Одесса 1940, с. 53.

² Р.Г. Эймонтова, *Университетский вопрос и русская общественность в 50-х–60-х годах XIX в.*, „История СССР” 1971, 6, с. 152.

³ *Історія Одеського університету за 100 років*, ред. О.І. Юрженко, Київ 1968, с. 40.

⁴ *Ibidem*, с. 14.

⁵ *Історія Київського університету. 1834–1959. До 125-річчя з дня існування*, ред. О.З. Жмудський, Київ 1959, с. 58.

Отчасти такие оценки базировались на мнениях, которые высказывали радикальные публицисты еще в конце XIX – начале XX вв. В частности, назначенные на должности ректоров и деканов профессора (после введения Устава 1884 г.) назывались ими «льстецами и корыстолюбцами»⁶. Но даже избранного в 1905 г. ректором Московского университета С.Н. Трубецкого В.И. Ленин назвал «холопом»⁷ самодержавия.

Впрочем, в советской историографии второй половины XX в. ключевым словом, которое отражало новое понимание исторической роли университетов Российской империи второй половины XIX – начала XX в., стало слово „вопреки”. Деятельность университетов (в широком смысле) объясняли как такую, которая не только выходила за пределы тогдашних общественно-политических форм, но и реально была направлена против самодержавного политического режима. Следует также учесть, что в советских вузах утвердилась система «единоначалия». В частности, в послевоенный период ключевой фигурой в университете стал именно ректор. И сегодня практически на всем постсоветском пространстве прежде всего ректор определяет направления университетской деятельности, несет персональную ответственность за все, что происходит в стенах университета и является своего рода символом университета. Неудивительно, что в «устных университетских историях» наших современников периодизация чаще всего строится по годам ректорства конкретных лиц. Соответственно, все это способствовало тому, что уже в советское время произошла реабилитация и дореволюционных ректоров. В постсоветское же время исследователи начали активно изучать биографии ректоров⁸, сведения о них стали неотъемлемой частью как юбилейных историй, так и общих и специальных очерков⁹, портретные галереи ректоров украсили холлы вузов. При этом отношение к этим «первым должностным лицам» универ-

---

⁶ С.М. Степняк-Кравчинский, *Россия под властью царей*, в: С.М. Степняк-Кравчинский, *Сочинения*: В 2 т., т. 1, Москва 1987, с. 231.

⁷ В.И. Ленин, *Буржуазия сытая и буржуазия алчущая*, в: В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 11, Москва 1960, с. 297.

⁸ *Биобиблиографический словарь ученых Харьковского университета*, т. 1: *Ректоры (1805–1919, 1933–1995)*, сост. В.Д. Прокопова et al., Харьков 1995; *Ректоры Московского университета (Биографический словарь)*, Москва 1996; В.Н. Семенов, *Ректоры Саратовского университета. Факты жизни и деятельности*, Саратов 1999; *Ректоры Казанского университета*, сост. и ред. В.С. Королев, Казань 2004.

⁹ А.И. Аврус, *История российских университетов: Очерки*, Москва 2001, с. 90, 99; Ю.Н. Ермолаев, *Ректор Московского университета М.К. Любавский*, в: *Академик М.К. Любавский и Московский университет*, ред. А.Я. Дегтярев, А.В. Сугороб, Москва 2005.

ситета изменилось на глазах. Если в «Очерках истории Казанского университета», вышедших в 2002 г., еще можно встретить известную мысль о том, что «наиболее выдающиеся ученые оказывались невос требованными высшей школой России того времени в качестве руководителей учебных заведений, поскольку министерство народного образования рассматривало ректоров российских университетов лишь в качестве исполнительных чиновников»¹⁰, то в фундаментальной юбилейной «Истории», которая вышла через два года, уже отмечается, что «ректорскую должность занимали весьма достойные профессора, внесшие весомый вклад в развитие университета...»¹¹. Характерными являются оценки в том числе и ректорского корпуса после принятия «реакционного» устава 1884 г.: «Устав 1884 ни в коей мере не повлиял на деловые качества ректорского корпуса университета – они оставались такими же высокими, как и раньше»¹². В последнее время начался пересмотр и однозначно негативных оценок других должностных лиц, которые влияли на жизнь университетов второй половины XIX – начала XX в., в том числе и «реакционных», по терминологии советской историографии, попечителей учебных округов и министров народного просвещения¹³.

В литературе начали писать о «сюжете, который сконструирован [курсив – С.П.] в отечественной историографии, биографических описаниях – о противостоянии прогрессивного ученого и реакционного чиновника от образования»¹⁴, делать вывод, что ряд претензий к до-революционным должностным лицам со стороны общественности, профессуры и студенчества не является обоснованным¹⁵. Наблюдается определенный акцент на изучении конкретных действующих лиц университетской жизни, нежели на опыте коллегиального управления. По этому поводу можно заметить, что недооценка роли коллегиальных органов университетского управления, этого «внутреннего» фактора университетской автономии, не позволит в полной мере выяснить вопрос о сущности и границах таковой, а также и значении тех

¹⁰ *Очерки истории Казанского университета*, сост. В.В. Астафьев, Казань 2002, с. 81.

¹¹ *Історія Київського університету. 1834–1959. До 125-річчя з дня існування*, ред. О.З. Жмудський, Київ 1959, с. 58.

¹² *Ibidem*, с. 178–179.

¹³ Рог. В.А. Томсинов, *Министр народного просвещения – Николай Павлович Боголепов*, „Педагогика“ 1997, 2; И.В. Черказьянова, *Александр Николаевич Шварц: окружение, восприятие, оценки*, „Харківський історіографічний збірник“ 2004, Вып. 7.

¹⁴ Е.А. Вишленкова, *Об университетских людях-легендах*, в: *Уроки Вульфсона*, ред. Е.А. Вишленкова, А.Н. Бикташева, Казань 2003, с. 91.

¹⁵ Л.М. Искра, *Владимир Иванович Чесноков как ученый*, в: *Российские университеты в XVIII–XX веках. Сборник научных статей*, Вып. 6, Воронеж 2002, с. 15.

или иных бюрократических процедур, а также таких бюрократических фигур, как ректор университета.

Все сказанное затрудняет и одновременно стимулирует изучение роли ректора в бюрократической системе Российской империи. Чтобы всесторонне рассмотреть проблему, предлагаем выделить в ней три аспекта: правовой, организационный и социокультурный. Для конкретизации тех иных выводов будем пользоваться базой данных¹⁶, которая включает сведения биографического характера о 99 ректорах пяти университетов Российской империи (Казанского, Киевского, Московского, Петербургского, Харьковского).

Правовой аспект. Прежде всего, заметим, что российские университеты в XIX в. развивались в том же направлении, что и остальные европейские, а именно: от корпоративного к государственному университету. И в этом плане противопоставление западноевропейских и российских университетов возможно, но непродуктивно. Тезис о постоянной и самоотверженной борьбе российских университетов за права самоуправления и автономию, который выступает как смыслообразующий сюжет университетской истории, можно вполне считать историографическим мифом. Такой взгляд актуализировался ранее и актуализируется сегодня прежде всего самими представителями университетов. Между тем, очевидно, что именно государственный контроль и государственные механизмы регулирования и управления в XIX в. постепенно стали определять деятельность университетов и профессуры во всем мире. В том числе это достигалось не только посредством соответствующих законов и рычагов управления, но и путем встраивания университетской иерархии в бюрократическую систему должностей, чинов и наград. Тем самым разрушались прежние принципы устройства университетских корпораций, профессора превращались в государственных служащих, а высшее образование становилось частью сферы государственного регулирования. Университет как структура в это время уже не мог больше существовать самостоятельно и самодостаточно: как содержание преподавания, так и требования к профессорам, и даже само количество университетов теперь определялись государством. Таков был общий ландшафт университетских реформ рубежа XVIII–XIX в., свое место в котором заняла и Российская империя¹⁷.

¹⁶ Создана в системе управления базами данных (СУБД) Microsoft (MS) Access 2010.

¹⁷ Szerzej о тым: А.Ю. Андреев, *Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы*, Москва 2009; *Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века*, ред. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов, Москва 2012.

Безусловно, политическая система самодержавной России существенно влияла на характер отношений университетов и государственной власти, вот почему порой специфику российского типа университета исследователи склонны видеть в особенной роли государственного начала в его устройстве и функционировании. К тому же, в России не было устойчивых традиций университетского самоуправления, да и вообще устоявшихся университетских традиций. Соответственно, в созданных в начале XIX в. нескольких императорских университетах бюрократические основы вполне могли восприниматься как единственно возможные для их деятельности. Впрочем, хорошо известен также тот факт, что многие иностранные профессора приняли приглашение приехать в Россию, соблазнившись не только высоким жалованьем, но и предоставленными чинами.

Должность ректора как выборного главы университетской корпорации впервые появилась на территории Российской империи согласно «Акту постановления» от 12 января 1802 г. для Дерптского университета¹⁸. Затем она упомянута в «Предварительных правилах народного просвещения» от 24 января 1803 г., нормы которых в отношении выборных университетских должностей были детализированы в Уставе 1804 г.¹⁹

Сразу заметим, что университетский устав 1804 г. еще содержит в себе немало того, что называется «корпоративные привилегии университета»: выборность университетским Советом всех административных должностей (включая ректора и деканов), самостоятельное избрание Советом на кафедры профессоров и младших преподавателей, возможность корпорации распоряжаться бюджетом университета. Как рудимент старого (доклассического/домодерного) университета в Уставе 1804 г. содержится глава, регламентирующая деятельность университетского суда, где определены и соответствующие функции ректора (организации университетского суда целиком посвящена 14 глава Устава, состоящая из 17 параграфов). И все же, на наш взгляд, очевидно, что данный документ является свидетельством

---

¹⁸ Первым выборным ректором в Российской империи стал профессор Г.Ф. Паррот, который 22 декабря 1802 г. в соответствии с новым положением был торжественно избран ректором Дерптского университета. Э.Э. Мартинсон, *История основания Тартуского (бывшего Дерптского-Юрьевского) университета*, Ленинград 1954, с. 62.

¹⁹ В Московском университете первые выборы состоялись в 1803 г. (т.е. еще до утверждения нового университетского Устава), а первым ректором стал Х.А. Чеботарев. В Харьковском университете они прошли в 1805 г., уже после введения Устава в действие, а ректором был избран И.С. Рижский. В Казанском университете первый выборный ректор появился лишь в 1814 г.

именно государственного статуса университета. В том числе это касается и тех норм, которые были связаны с исполнением должности ректора университета.

В Уставе 1804 г. сразу после 1-й главы «Об университете вообще» идет вторая – «О ректоре». В этом документе ректор назван «Главой Университета и блюстителем благоустройства», что трактовалось как ответственность «за благочиние во всех частях, за внутренний порядок Университета, за сохранение и исполнение Уставов и предписаний Министра и Попечителя, равным образом за исправление должностей всеми и каждым из находящихся при Университете и подлежащих его управлению»²⁰. Хотя ректор неизменно упоминается при регламентации деятельности коллегиальных органов (как председатель Правления и Совета университета, различных собраний и комитетов), однако в специальные параграфы выделено, что именно он «распечатывает все пакеты на имя Университета», получает донесения и сам доносит о состоянии университета и училищ ежемесячно до сведения попечителя, а «в чрезвычайных случаях имеет право требовать помощи от Военного или Гражданского начальства». Таким образом, встроенность должности ректора в бюрократическую систему управления не подлежит сомнению, его определенно можно назвать «администратором» внутри этой системы²¹.

Хотя, конечно, следует учитывать и специфику этой должности. Уже в «Предварительных правилах народного просвещения», принятых в 1803 г., четко предписывалось поставить во главе ученой корпорации университета выборного ректора. Выборность не вписывалась в централизованную систему власти, вот почему в последующем вопрос о замене выборной должности назначением неоднократно обсуждался в высших сферах. Попечители (А.А. Писарев и С.М. Голицын в Москве, Е.В. Карнеев, и А.А. Перовский в Харькове) неоднократно высказывались за то, чтобы прекратить выборы, которые уменьшают уважение к начальству²². В 1831 г. и сам император Николай I передал через министра народного просвещения К.А. Ливена в Комитет для устройства учебных заведений, где обсуждались новые университетские законопроекты, личное пожелание: «Чтобы ректоры университетов поступали впредь в сие звание из профессоров не по выбору университетского Совета, но по назначению начальства,

²⁰ Устав императорского Московского университета, [Москва 1804], с. 5.

²¹ *Университет в Российской империи*, с. 299.

²² Ф.А. Петров, *Формирование системы университетского образования в России*, т. 3, Москва 2003, с. 58, 135; Д.И. Багалеи, *Опыт истории Харьковского университета*, в: Д.И. Багалій, *Вибрані праці*, т. 4, Харків 2005, с. 128.

и притом не на срочное, а на неопределенное время»²³. Однако, заметим, что назначаемость ректора стала характеризовать модернизированный («государственный») университет и в других странах Европы в данное время.

Тем не менее и в новом Уставе 1835 г. должность ректора осталась выборной. Т.Н. Жуковская, объясняя этот момент, справедливо заметила, что автономия в российских университетах была «своеобразно уравновешена» с распространением на них «министерской системы управления, основанной на принципах централизации и единоначалия... Все сколько-нибудь важные назначения внутри университета, не говоря уже о переменах в его структуре, утверждались императором по представлению министра»²⁴. Кандидатура ректора университета, за которого проголосовало большинство профессоров в Совете, обсуждалась в Главном Правлении училищ, а затем представлялась министром народного просвещения на утверждение императору (п. 13). В этих нормах ясно видна указанная выше двойственность университета и как корпорации, и как государственного учреждения – в первом качестве он располагал самоуправлением, но во втором качестве все его назначения на должности должны были подтверждаться государственными органами власти вплоть до императора. При этом определяющая роль последних не вызывала сомнения. Не удивительно, что практика назначения на должность ректора (минуя выборы) станет весьма распространенной в первой половине XIX в.

Но двойственное положение ректора как чиновника было не только в том, что его выбирали, а не назначали. Принципиально важным было и то, что университеты были признаны верхним звеном новой, иерархически устроенной системы учебных заведений в России. (К слову, польский опыт имел для такого выбора решающее значение²⁵). Поставив во главе каждого из шести учебных округов, на которые была разделена территория Российской империи, университет с функциями надзора и контроля за нижестоящими губернскими и уездными школами, авторы реформы, тем самым, автоматически трактовали университет как государственное учреждение. Соответ-

²³ Сут. за: Ф.А. Петров, *op. cit.*, т. 3, с. 134.

²⁴ Т.Н. Жуковская, «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь российских университетов в первой половине XIX века, в: *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исследования, историография, источниковедение*, ред. А.М. Цемутали, Санкт Петербург 2009, с. 76.

²⁵ В 1773 г. постановлением Сейма была создана Эдукационная комиссия. В начале XIX в. этот опыт оказал существенное влияние на реформу в сфере образования в Российской империи.

ственно, университет (а значит и ректор, как его начальник) был ответственен за проведение учебной реформы на подведомственной ему территории округа. Устав 1804 г. в главе 15 (п.п. 163–177) предоставлял университету широкие права по управлению школами низших ступеней (губернскими гимназиями, уездными училищами), находящимися в его учебном округе.

Тем самым ректор де-факто вступал в определенное противоречие с попечителем учебного округа, поскольку попечитель рассматривался и как непосредственный начальник над университетом, хотя ни в одном из документов или инструкций первых десятилетий XIX в. такого рода четкой нормы мы не найдем. Попечитель фактически решал основные организационные вопросы университета: подбор кадров, обеспечение его материальных нужд (строительные работы, пополнение библиотеки, научных коллекций и т.д.), а текущий контроль за исполнением предписаний осуществлял ректор. Однако лишь Устав 1835 г. узаконит такую систему отношений. Разделу «О Ректоре» в нем уже предшествует раздел «О Попечителе и его помощнике». Новый Устав окончательно прикрепил попечителей к университетам, придав им функции высшего звена университетской администрации. В том числе теперь и весь контроль за школьным делом в учебном округе передавался лично попечителю и его канцелярии. Следует также заметить, что в новом Уставе не фигурировало и большинство из университетских привилегий. Их отмена была вполне созвучна с аналогичными процессами в Западной Европе. Эта линия получит свое развитие в университетских уставах 1863 и 1884 гг. (хотя они часто противопоставляются историками: первый как «либеральный», а второй как «реакционный»). В частности, как отметил американский историк С. Кэссоу, непосредственный смысл Устава 1863 г. заключается не в «либерализации», а в развитии понятия «государственный университет»²⁶. К слову, раздел «о ректоре» в этих уставах мало чем отличается от соответствующего текста в Уставе 1835 г. Даже в опубликованном в 1906 г. проекте университетского устава сохранены все его основные пункты. Единственное существенное отличие состоит в том, что Уставом 1884 г. вводилась значимость ректора.

Следует также заметить, что Уставы не функционировали в полном объеме, а некоторые пункты подвергались корректировке. Это

---

²⁶ С. Кэссоу, *Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения*, в: *Великие реформы в России, 1856–1878*, ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла, Москва 1992, с. 322.

вполне вписывается в прецедентный характер законодательства Российской империи. Так, согласно Уставу 1804 г., ректор избирался на один год. Однако в 1809 г. срок ректорства был продлен до трех лет вначале в Московском, а через два года – и в Харьковском и Казанском университетах²⁷. Как уже указывалось, известно немало примеров того, когда ректоры назначались на должность, а не избирались, как того требовал Устав. Особенно это стало распространенным в 1820-е г. Сопровождался данный процесс различной мотивировкой.

Университетский устав постепенно становился скорее декларацией, которая находила свое пояснение в других законах и многочисленных циркулярах. То есть, ограниченное количество его положений, по мере возрастания государственного вмешательства во все сферы жизни, а также расширения университетской сети и университетских задач, просто было не способно эффективно регулировать процессы в университете и вокруг него. Некоторые положения были слишком общими, другие – чересчур мелкими. Безусловно, такие постоянные изменения не могли не сказаться на значении устава, роль которого в организации университетской жизни падала. Устав со временем становился скорее символом (хотя и весьма важным)²⁸. Вот почему следует изучить не только правовые нормы, но и практики их воплощения в жизнь.

Организационный аспект. Имеющаяся в нашем распоряжении база данных позволяет зафиксировать некоторые заслуживающие внимания моменты. Так, например, можно утверждать, что избрание/назначение на должность ректора в целом не зависело от научной отрасли кандидата (ректорами были представители практически всех отраслей знания). И все же заметно преобладание правоведов: 24 (1/4). Столько же было историков и филологов – 25. Затем идут медики – 10. Очевидно, следует учитывать, что юридический и медицинский факультеты были самими многочисленными как по количеству преподавателей, так и студентов. Важно заметить, что преобладание юристов на должности ректора наблюдается во второй половине XIX в. Вероятно, в этом можно увидеть следствие процесса бюрократизации жизни университета. Ректором мог стать только ординарный профессор. Безусловно, при назначении учитывался опыт работы на руководящих должностях. Из почти ста ректоров, внесен

²⁷ К слову, с 1835 г. срок пребывания ректора на должности был увеличен до четырех лет.

²⁸ Пор. С.И. Посохов, *Уставы университетов Российской империи XIX века как законы и как символы*, w: *Belliculum Diplomaticum V Lublinense*, red. A. Górak, M. Szabaciuk, Lublin 2014, s. 115–130.

ных в базу данных, 51 перед назначением на должность ректора были деканами факультетов, 14 проректорами, 2 помощниками ректора. Таким образом, 67 человек (т.е. 2/3) уже прошли практическую подготовку в рамках университетской бюрократической системы. К этому следует добавить, что среди оставшихся профессоров были такие, которые в свое время исполняли обязанности инспекторов, секретарей Совета, были директорами музеев.

Возраст существенно не влиял на назначение. Самыми молодыми ректорами из внесенных в базу данных стали В.Ф. Цих и М.А. Максимович, будучи назначенными ректорами киевского Университета Св. Владимира в 30 лет, самыми старыми – ректоры Петербургского университета В.И. Сергеевич и П.Г. Редкин, ставшие ректорами в 65 лет. Средний возраст на момент назначения – 48 лет. Половина ректоров (49) были воспитанниками этого же университета, более трети – представляли «местное» (региональное) общество (39). В этом плане прослеживается определенная тенденция к усилению такой зависимости. Далеко не все из ректоров по своему социальному происхождению принадлежали к дворянству, и лишь единицы были представителями дворянской элиты (например, князь С.Н. Трубецкой). Больше половины из них те, кто происходил из духовенства, купцов, мещан, мелких чиновников, врачей, учителей (56). Обращает на себя внимание достаточно высокий процент выходцев из духовенства (32, т.е. почти 1/3). Некоторые из ректоров получили потомственное дворянство уже находясь на этой должности (например, Н.И. Лобачевский). Впрочем, применительно ко всем этим позициям можно говорить об определенной динамике. В первой половине XIX в. наблюдается явное преобладание выходцев из духовенства (16 из 28), в последующем возрастает социальная пестрота состава. Более сложным является вопрос о национальном происхождении ректоров уже хотя бы потому, что сведения о национальности часто не указаны в источниках, а в том случае, когда есть упоминания о происхождении родителей, не всегда есть основания указывать ее именно такой. Известно, например, что ректор Казанского университета Осип Михайлович Ковалевский был поляк (по другой версии – белорусского происхождения) и католик, он женился в Казани, его жена была русской, православного вероисповедания. Их дети считали себя русскими и православными (в том числе и Николай Осипович Ковалевский (1840–1891) – профессор-физиолог, ставший в 1880 г. ректором того же Казанского университета). На основе большей частью косвенных данных можно утверждать, что большинство ректоров были русскими. Однако, национальная палитра в целом довольно разнообразна (отметим, что

к «нерусским» можно отнести 45 ректоров, внесенных в базу данных). На начальном этапе видим назначение на должность ректора университета некоторых иностранцев. Впрочем, из ряда источников известно, что национальный признак мог быть в этом случае как способствующим, так и препятствующим фактором. Когда в 1807 г. при баллотировке на должность ректора Харьковского университета профессора А.И. Стойкович и П.М. Шумлянский получили одинаковое количество шаров, попечитель С.О. Потоцкий представил министру ситуацию таким образом: «Я со своей стороны предпочтительно желаю, чтобы сие место занимал русский, как знающий язык и обыкновения страны. Но проф. Стойкович, будучи родом из карпатороссов, легко мог научиться и успел в русском языке и имел довольно времени познать обыкновение той страны: он может почестся почти русским... К тому же будут отвращены разные толки, могущие произойти со стороны иностранных профессоров, если ректорское достоинство оставаться будет всегда между одними русскими»²⁹. Нечто подобное наблюдалось в 1819 г. при выборе ректора Петербургского университета: немец (Э. Раупах) или «карпаторосс» (М.А. Балугьянский). Тогда министр князь А.Н. Голицын отказался утвердить представление С.С. Уварова на Э. Раупаха, он передал дело в Комитет министров, указывая на то, что Раупах формально не состоит в российском подданстве (при том, что этой нормы не было в законодательных актах)³⁰.

Хотя законодательные акты устанавливали свободные выборы ректора путем «баллотировки», т.е. тайного голосования, без всякого вмешательства в его ход со стороны начальства, однако на практике все было не так. Об этом свидетельствуют те факты, когда голосование удавалось провести не с первого раза. Очевидно, что большое значение при выборе того или иного кандидата имело отношение попечителя и министра. Порою сами профессора обращались к начальству с просьбой прежде всего высказать свое мнение о возможном кандидате. Так, профессор Казанского университета Ф.К. Броннер писал попечителю С.Я. Румовскому в сентябре 1811 г.: «Мудрый и достойный попечитель, оберегите нас от тягостного дела, которое может быть мучительным и губительным – выбрать другого, которого Вы не желаете! Найдите такого подданного Вашей нации, который бы импонировал всем избирателям»³¹.

²⁹ Д.И. Багaley, *op. cit.*, s. 302.

³⁰ *Университет в Российской империи*, s. 305.

³¹ *Сyt. za: ibidem*, s. 303.

На ход выборов влияла борьба университетских «партий» и интриги. Продвижение к должности ректора могло ускоряться благодаря «влиятельным связям» или «добрым знакомствам». Так, известно, что избрание ректором Московского университета И.А. Гейма подкреплялось его близостью к попечителю (затем министру народного просвещения) графу А.К. Разумовскому, в имении которого Гейм работал над каталогом его личной библиотеки. Именно по представлению Разумовского в 1809 г. выборные полномочия ректора Гейма были продлены с одного до трех лет, что послужило началом введения трехлетнего ректорского срока и в других университетах России. Ректор Петербургского университета П.А. Плетнев в свое время преподавал литературу наследнику престола Александру II и великим княжнам.

Порою такому назначению мог способствовать случай. Так, первый избранный ректор Московского университета Х.А. Чеботарев был в момент избрания просто старейшим по возрасту и времени службы среди профессоров (не обладая в то же время какими-либо значимыми научными работами), а потому его выборы можно сопоставить с переходом должности проректора по старшинству в Гёттингенском университете. Упомянувшийся О.М. Ковалевский сначала исполнял обязанности ректора Казанского университета (в связи с болезнью И.М. Симонова), а уже затем был утвержден в этой должности.

Средний срок службы в должности ректора составлял 6 лет. Некоторые из них избирались несколько раз подряд или могли иметь определенный перерыв между избраниями (таких немного, например, в истории Казанского университета это Е.Г. Осокин и Н.А. Кремлёв, Московского – А.А. Альфонский и Н.П. Боголепов). Дольше всего должность ректора (Петербургского университета) занимал П.А. Плетнев – 21 год.

Попечители стремились продлить срок службы на должности удобных им ректоров. Собственно, уже этим было объясняется предложение попечителя А.К. Разумовского увеличить срок с одного года до трех лет. В частности, он писал в официальном представлении, что «должность сия требует неусыпного попечения, занятия множеством подробностей, строгого наблюдения и взыскания учащих и учащихся, на всех чиновников, по хозяйственной части употребляемых, к чему не иначе достигнуть можно как опытностью, при частой же перемене ректора едва успеет он, так сказать, приглядеться ко всему, как уже наступает срок его смены... Опасаясь оскорбить того, кто вскоре заступит его место, он предпочтет снисхождением

своим обрести и для себя подобное снисхождение. Наконец, долговременная привычка подчиненных видеть над собою одного и того же начальника усугубляет уважение к нему и повиновение»³². «Стабильность» начальства вполне соответствовала российским реалиям, что и предопределило, в конечном итоге, утверждение этого предложения министром и издание соответствующего императорского указа от 16 сентября 1809 г. Прецедентные практики законотворчества позволили ректору Харьковского университета А.И. Стойковичу через два года также добиваться избрания на трехлетие. В результате, 26 мая 1811 г., трехлетнее ректорство было распространено на Харьковский и Казанский университеты. Таким образом, высшее руководство сознательно добивалось максимально длительного пребывания устраивавшего их профессора на посту ректора, все больше и больше превращая эту должность из «ученой» в «чиновничью»³³.

Далеко не всегда ректоры пребывали на должности весь отведенный срок. Смещение с должности ректора также происходило в силу различных обстоятельств. Иногда эти причины весьма прозаичны, порою за ними стояли события исторического характера. Так, А.А. Прокопович-Антонский, совмещавший пост ректора Московского университета и должность директора Благородного пансиона, был отправлен в отставку после проведенной в университете ревизии, вызванной общим недовольством Николая I Благородным пансионом, выпускниками которого являлись многие декабристы³⁴. В 1836 г. был переизбран на четыре года по новому уставу ректор Московского университета А.В. Болдырев, однако вскоре уволен за то, что как цензор допустил публикацию в журнале «Телескоп» первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева. Ректор Харьковского университета Т.Ф. Осиповский оказался неуютен вновь назначенному попечителю З.Я. Карнееву и 1 ноября 1820 г. был удален попечителем с должности и из университета, использовавшим для этого подвернувшийся повод³⁵. Со студенческими волнениями была связана отставка ректоров Казанского университета О.М. Ковалевского и Н.А. Кремлёва (соответственно в 1860 и 1876 гг.). Новый правительственный курс в деле реформирования университетов не принял ректор Московского университета С.М. Соловьев и в 1877 г. сам подал в отставку. Кто-то, как например Н.О. Ковалевский, отказывал-

³² Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 года, т. 30: 1808–1809, Санкт-Петербург 1830, № 23841.

³³ Университет в Российской империи, с. 303.

³⁴ Ф.А. Петров, *op. cit.*, т. 2, с. 44.

³⁵ Д.И. Багaley, *op. cit.*, т. 4, с. 98–99 и далее.

ся от исполнения должности до истечения срока по причине болезни. Некоторые умерли, пребывая на ректорском посту. Так, ректор Московского университета С.Н. Трубецкой скоропостижно скончался в приемной министра от кровоизлияния в мозг 29 сентября 1905 г., ректор Казанского университета Н.М. Любимов, также будучи в Петербурге на совещании по университетской реформе, внезапно заболел и 20 февраля 1906 г. скончался от плеврита. За беспробудное пьянство, по настоянию попечителя П.И. Голенищева-Кутузова, был отправлен в отставку в 1811 г. ректор Московского университета Ф.Г. Гейм. В 1887 г. добровольно ушел с этой должности Н.П. Боголепов, поскольку в конце 1886 г. один за другим умерли трое его детей. Эти события подорвали его здоровье и сделали на какое-то время неработоспособным. Такие примеры можно продолжить.

Говоря о социальном статусе ректора университета, следует учесть несколько моментов. Во-первых, мы можем говорить о формальных признаках, в частности, о чинах и наградах. К сожалению, такого рода сведения в биографиях ректоров фрагментарны и не позволяют свести их в таблицу. Для осуществления такой задачи следует провести специальное изучение формулярных списков. Однако и имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать интересный вывод. В частности, наблюдается повышение табельного ранга ректора. Если для первой половины XIX в. обычным является чин статского советника, реже действительного статского советника, то во второй половине века немало ректоров имело чин тайного советника, а П.Г. Редкин дослужился до чина действительного тайного советника³⁶. Также заметно повышение уровня награждения орденами (типичными стали ордена Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Владимира 3 ст.)³⁷. С середины XIX в. в ряде случаев это уже награды первой степени (Св. Станислава 1 ст., Св. Анны 1 ст. и даже Св. Владимира 1 ст.). Таким образом, это уже был ранг высших чиновников. Важно отметить, что этот процесс происходил на фоне понижения статуса попечителя. Если в первой половине XIX в. и 70–80-х гг. XIX в. большинство попечителей было в ранге тайного советника, то в 80–90-х гг. XIX в. начинается преобладание действительных статских советников, а в начале XX в. среди них встречаются статские, и даже коллежские советники. Таким образом, девальвация должности составила 3 класса. По рангу попечитель стал на

³⁶ Ректор СПб университета в 1873–1876 гг., с 1882 г. член Государственного совета.

³⁷ Заметим, что до начала XX в. потомственное дворянство легче и чаще получали по ордену, нежели по чину. Л.Е. Шепелев, *Титулы, мундиры, ордена*, Москва 1991, с. 210.

уровень губернской администрации³⁸. К слову, соответствующие изменения можно зафиксировать и в составе министров народного просвещения.

Этот факт позволяет еще раз вернуться к вопросу о неформальной практике взаимодействия ректора и попечителя. Тезис о полной зависимости ректора от попечителя следует пересмотреть, поскольку для этого есть немало оснований³⁹. В частности, как отмечает историк Казанского университета Ю.И. Смыков, в архивном фонде попечителя Казанского учебного округа ему не удалось найти ни одного документа, из которого было бы видно, что попечитель не согласился с каким-либо мнением ректора университета⁴⁰.

По крайней мере, применительно к данному вопросу, можно говорить о двух периодах: до и после 1857 г. Первый период характеризуется назначением на должность попечителя в большинстве своем представителей аристократии, которые не имели систематического образования, но прошли длительную военную или гражданскую службу. Вторая половина XIX – нач. XX вв. значительно отличается в этом плане. Попечители данного периода в большинстве своем имели высшее образование (чаще университетское), а половина из них – звание профессора. Предшествующая служба, как правило, проходила по линии министерства народного просвещения. Таким образом, наблюдался процесс профессионализации в системе управления учебными заведениями, в том числе и университетов. До известной степени этот процесс затронул и ректоров университетов. В частности, во второй половине XIX – начале XX вв. профессоров университетов, в том числе и ректоров, стали назначать попечителями/товарищами попечителей учебных округов (М.М. Алексеенко, А.А. Воскресенский, А.М. Жданов, П.А. Некрасов, А.А. Тихомиров, К.К. Фойгт и др.), а затем и министрами/товарищами министра (Н.П. Боголепов, Н.Х. Бунге, Н.А. Зверев). Однако в целом следует признать, что для подавляющего большинства лиц, учтенных в нашей базе данных, ректорская должность стала финалом административной карьеры. Вот почему, по нашему мнению, эту должность можно считать вершиной особой статусной лестницы. Случаи, когда бы ректор переходил на службу в иное ведомство, крайне редки.

³⁸ Пор. С.И. Посохов, *Попечители Харьковского Учебного Округа XIX – начала XX вв.: состав, деятельность, оценки*, в: *Dzieje biurokracji*, t. 5, cz. 1, red. A. Gaca, A. Górak, Z. Naworski, Lublin–Toruń–Wrocław 2013, s. 357–367.

³⁹ Пор. С.И. Посохов, *Попечители Харьковского учебного округа первой половины XIX века: попытка реабилитации*, „Universitates-Университеты: наука и просвещение” 2009, 4, s. 40–50.

⁴⁰ *Очерки истории Казанского университета*, Казань 2002, s. 99.

Социокультурный аспект. Чтобы оценить деятельность ректоров университета как управленцев, прежде всего, следует разобраться в степени их самостоятельности, а также рассмотреть эту деятельность в определенном контексте. Как уже отмечалось, с одной стороны, они были ограничены коллегиальными органами управления университетом, с другой – властной вертикалью в лице попечителя, министра, губернатора. Но изучая проблему в этом плане, следует обращать внимание не только на правила и предписания, но и на личностный фактор, и на силу традиции.

Прежде всего, отметим, что среди ректоров было немало весьма властных особ. Имеется достаточно примеров, когда ректоры стремились перейти из разряда «первых среди равных» просто в «первые». Для этого они в том числе пытались использовать и попечителей. Весьма энергичный и активный на своем посту ректор Харьковского университета И.Я. Кронеберг, по мнению историка Д.И. Багалея, продемонстрировал «черты автократизма и самовластия по отношению к университетской коллегии», хотел «твердой ректорской власти, независимой от совета, подобно попечителю»⁴¹. В частности, в письме к попечителю Перовскому он писал: «Если ректор не имеет никакой власти, никакого права и не может делать никакого распоряжения, не подвергая себя оскорблениям члена совета или правления, то какой он глава университета!». К этому добавлялась и своя «философия»: «Должности устанавливаются не для того, чтобы упорно защищать мнимую святость границ их, а для достижения назначенной правительством цели»⁴².

Однако следует учитывать, что существенное воздействие на властные практики оказывали традиции общества (представления о «начальстве» и формах его поведения). То есть в данном случае уместно вспомнить о властных практиках соответствующей эпохи, которые предопределяли формы поведения «начальствующих лиц».

В целом, заметим, что взгляд на просвещение как на государственное дело утвердился в начале XIX в. Так, попечитель Харьковского учебного округа С.О. Потоцкий уже в своей речи «О новом устройстве в России училищ и их пользе» на открытии университета в 1805 г. говорил о том, что работа на ниве народного просвещения – важная государственная работа⁴³. Зримым олицетворением государственного статуса стал заказ при основании Харьковского университета портретов

⁴¹ Д.И. Багалея, *op. cit.*, t. 4, s. 162.

⁴² *Ibidem*, t. 4, s. 159–160.

⁴³ *Ibidem*, t. 3, s. 218.

императора, министра и попечителя⁴⁴. Государство и в университетских профессорах видело чиновников. Не удивительно, что ректоры также демонстрировали соответствующее поведение. Например, известно, что не только попечители не выносили возражений, но и ректоры. Об этом свидетельствуют характеристики некоторых, без преувеличения выдающихся ректоров: «Осиповский имел вкус к власти... Он ревниво оберегал свое, ректорское достоинство...»⁴⁵. Вместе с тем как социальное происхождение подавляющего большинства ректоров, так и относительная кратковременность пребывания на должности, а также наличие рядом немало количества подчиненных близких по статусу, а то и превышающих их по своему опыту и положению, не позволили придать должности ректора функции «отца большого семейства». Чаще в университетской среде применительно к оценке деятельности ректора срабатывали принципы представительской власти. Университетские профессора чаще смотрели на него как на исполнителя их воли, как на человека, который должен выражать их интересы. Не случайно, мы имеем немало примеров университетских конфликтов, которые возникали на этой почве и затем облекались в бюрократические формы (с перепиской по инстанциям, взаимными обвинениями и доказательствами собственной правоты).

Между тем, известны случаи, когда ректоры стремились продемонстрировать свое более высокое положение окружающим. Так, например, первый избранный ректор Московского университета Х.А. Чеботарев после утверждения в должности переселился в квартиру бывшего директора Московского университета (которая занимала все левое крыло Главного университетского корпуса) и стал по-иному относиться к своим товарищам-профессорам и студентам, которых он рассматривал теперь как подчиненных⁴⁶. Сохранившиеся портреты ректоров свидетельствуют о том, что в первой половине XIX в. стало нормой демонстрировать свой статус посредством изображения мундира и орденов. Постепенно ректор стал вхож в круг губернской администрации. В частности, исследователи отмечают, что уже в начале 1820-х гг. ректор Казанского университета входил в негласный список первых лиц города, соответственно, стал обязательным лицом на званых обедах губернатора⁴⁷.

⁴⁴ *Ibidem*, t. 3, s. 363.

⁴⁵ Д.И. Багалей, *op. cit.*, t. 4, s. 106.

⁴⁶ Szerzej o tym zob. А.Ю. Андреев, *Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в.*, Москва 2000, s. 106–107.

⁴⁷ Е.А. Вишленкова, *Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов*, Казань 2003, s. 62.

К сожалению, в нашем распоряжении не так много источников личного происхождения для того, чтобы всесторонне охарактеризовать фигуру ректора университета и его отношения с местным обществом. В современных исследованиях замечено, что в дореволюционной мемуаристике больше внимания уделяно попечителям и инспекторам, тогда как деятельность ректоров и деканов мемуаристы, как правило, обходили молчанием⁴⁸.

К сказанному можно добавить, что с середины XIX в. общественный вес того или иного ректора стал зависеть от его научных заслуг. Примеры таких ректоров не так многочисленны, но они известны (А.Н. Бекетов, А.М. Бутлеров, А.А. Воскресенский, С.М. Соловьев, И.М. Симонов и др.). Некоторые из них стали членами-корреспондентами и ординарными академиками. С конца XIX (но преимущественно в начале XX века) ректоры стали избираться городскими головами (Д.И. Багалей) или гласными городской думы (И.И. Боргман, А.А. Мануйлов), депутатами Государственной думы (М.М. Алексеенко), стали активнее участвовать в государственной деятельности (например, Д.И. Багалей, И.И. Боргман, Н.А. Зверев, А.А. Мануйлов, В.И. Сергеевич, П.Г. Редкин – члены Государственного совета) и политической жизни (например, А.А. Мануйлов – член ЦК партии кадетов).

Очевидно, что ректоры университетов, входя в круг высших чиновников, но, одновременно, представляя либеральные круги университетской общественности, являли собою ярких представителей так называемой «либеральной бюрократии». Как известно, еще в конце 1980-х гг. Л.Г. Захарова высказала мысль о том, что проведение в стране реформ во второй половине XIX в. было невозможно без так называемой «либеральной бюрократии»⁴⁹. Однако заметной такая роль ректоров станет лишь в начале XX в. Вероятно, с этим, в частности, можно связать мнение, высказанное в начале XX в. К.А. Тимирязевым о том, что «ректором по назначению может быть человек, известный только той бюрократической инстанции, которая его назначает», а избранный ректор должен иметь «гражданские качества»⁵⁰. К слову, с одной стороны, К.А. Тимирязев писал о том, что «университетские коллегии должны быть освобождены от бюрократической опеки в лице назнача-

⁴⁸ В.Ю. Ивашенко, *Мемуари професорів та студентів з історії Харківського університету XIX – початку XX ст.*, Харків 2003, с. 141, *maszynopis pracy kandydackiej*.

⁴⁹ Л.Г. Захарова, *Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России*, „Вопросы истории” 1989, 10, с. 15.

⁵⁰ К.А. Тимирязев, *Академическая свобода (Мысли вслух старого профессора)*, w: К.А. Тимирязев, *Наука и демократия. Сборник статей 1904–1919 гг.*, Москва 1963, с. 19–20.

емых деканов и ректоров», но, с другой стороны, считал, что «председатель коллегии должен быть представителем и защитником ее интересов в сношениях с центральным управлением и точным исполнителем ее постановлений в пределах собственной компетенции»⁵¹ (что предполагало следование четким бюрократическим нормам).

В связи с этим требует уточнения (а возможно и корректировки) вывод некоторых современных исследователей о том, что «бюрократическая имперская ментальность оказалась плохо совместима с либеральным мышлением университетских людей, их представлениями о формах реализации властных ресурсов»⁵². На наш взгляд, пример деятельности ректоров университетов свидетельствует, что либеральное мышление вполне могло согласовываться с бюрократическими практиками, а, возможно, и оказывало влияние на них. Впрочем, этот тезис требует своей дальнейшей проработки.

BIBLIOGRAFIA (REFERENCES)

Źródła

Полное Собрание Законов Российской Империи с 1649 года, т. 30: 1808–1809, Санкт Петербург 1830, № 23841.

Opracowania

Аврус А.И., *История российских университетов: Очерки*, Москва 2001.

Андреев А.Ю., *Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в.*, Москва 2000.

Андреев А.Ю., *Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы*, Москва 2009.

Багалеј Д.И., *Опыт истории Харьковского университета*, w: Д.І. Багалеј, *Вибрані праці*, т. 3–4, Харків 2004–2005.

Библиографический словарь ученых Харьковского университета, т. 1: *Ректоры (1805–1919, 1933–1995)*, сост. В.Д. Прокопова et al., Харків 1995.

Вишленкова Е.А., *Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов*, Казань 2003.

Вишленкова Е.А., *Об университетских людях-легендах*, w: *Уроки Вульфсона*, ред. Е.А. Вишленкова, А.Н. Бикташева, Казань 2003.

Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А., *Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани*, Казань 2005.

Ермолаев Ю.Н., *Ректор Московского университета М.К. Любавский*, w: *Академик М.К. Любавский и Московский университет*, ред. А.Я. Дергачев, А.В. Сугороб, Москва 2005.

Эймонтова Р.Г., *Университетский вопрос и русская общественность в 50-х–60-х годах XIX в.*, „История СССР” 1971, 6.

⁵¹ *Ibidem*.

⁵² Е.А. Вишленкова, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова, *Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани*, Казань 2005, s. 193.

- Жуковская Т.Н., *«Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь российских университетов в первой половине XIX века*, в: *Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исследования, историография, источниковедение*, ред. А.М. Цемугали, Санкт Петербург 2009.
- Захарова Л.Г., *Самодержавие, бюрократия и реформы 60-х годов XIX в. в России*, „Вопросы истории” 1989, 10.
- Искра Л.М., *Владимир Иванович Чесноков как ученый*, в: *Российские университеты в XVIII–XX веках*, Вып. 6, Воронеж 2002.
- История Казанского университета, 1804–2004*, Казань 2004.
- Іващенко В.Ю., *Мемуари професорів та студентів з історії Харківського університету XIX – початку XX ст.*, Харків 2003, maszynopis pracy kandydackiej.
- Історія Київського університету. 1834–1959. До 125-річчя з дня існування*, ред. О.З. Жмудський, Київ 1959.
- Історія Одеського університету за 100 років*, ред. О.І. Юрженко, Київ 1968.
- Кэссоу С., *Университетский устав 1863 г.: новая точка зрения*, в: *Великие реформы в России, 1856–1878*, ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла, Москва 1992.
- Ленин В.И., *Буржуазия сытая и буржуазия алчущая*, в: В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 11, Москва 1960.
- Мартинсон Э.Э., *История основания Тартуского (бывшего Дерптского-Юрьевского) университета*, Ленинград 1954.
- Одесский университет за 75 лет (1865–1940)*, ред. К.П. Добролюбский, Н.А. Савчук, Одесса 1940.
- Очерки истории Казанского университета*, сост. В.В. Астафьев, Казань 2002.
- Петров Ф.А., *Формирование системы университетского образования в России*, т. 2–3, Москва 2003.
- Посохов С.И., *Попечители Харьковского учебного округа первой половины XIX века: попытка реабилитации*, „Universitates-Университеты: наука и просвещение” 2009, 4.
- Посохов С.И., *Попечители Харьковского Учебного Округа XIX – начала XX вв.: состав, деятельность, оценки*, в: *Dzieje biurokracji*, т. 5, cz. 1, ред. А. Gaca, А. Górak, Z. Naworski, Lublin–Toruń–Włocławek 2013.
- Посохов С.И., *Уставы университетов Российской империи XIX века как законы и как символы*, в: *Belliculum Diplomaticum V Lublinense*, ред. А. Górak, М. Szabaciuk, Lublin 2014.
- Ректоры Казанского университета*, Сост. и науч. ред. В.С. Королев, Казань 2004.
- Ректоры Московского университета (Биографический словарь)*, ред. В.А. Садовничий, В.И. Ильченко, Москва 1996.
- Семенов В.Н., *Ректоры Саратовского университета. Факты жизни и деятельности*, Саратов 1999.
- Степняк-Кравчинский С.М., *Россия под властью царей*, в: С.М. Степняк-Кравчинский, *Сочинения: В 2 т., т. 1*, Москва 1987.
- Тимирязев К.А., *Академическая свобода (Мысли вслух старого профессора)*, в: К.А. Тимирязев, *Наука и демократия. Сборник статей 1904–1919 гг.*, Москва 1963.
- Томсинов В.А., *Министр народного просвещения – Николай Павлович Боголепов*, „Педагогика” 1997, 2.
- Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века*, ред. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов, Москва 2012.
- Черказьянова И.В., *Александр Николаевич Шварц: окружение, восприятие, оценки*, „Харківський історіографічний збірник” 2004, Вип. 7.
- Шепелев Л.Е., *Титулы, мундиры, ордена*, Москва 1991.

ABSTRACT

The article deals with the inconsistency of the assessments that are encountered in the scientific literature when describing the role of the university rector as a manager. The author singles out the legal, organizational and socio-cultural aspects of the issue. To specify a number of conclusions, the results of the database analysis are used, which includes biographical information about 99 rectors of five universities of the Russian Empire (Kazan, Kiev, Moscow, Petersburg, Kharkov). In particular, a gradual increase in the Rector's staffing rank was noted. University rectors, having entered the circle of high-ranking officials, but at the same time representing liberal circles of the university public, have become an important element of the so-called "liberal bureaucracy".

Key words: university rector, bureaucracy of the Russian Empire, liberal bureaucracy

*Rektor uniwersytetu w systemie biurokratycznym Imperium Rosyjskiego
w XIX – na początku XX wieku*

STRESZCZENIE

W artykule zwrócono uwagę na sprzeczność ocen, które można spotkać w literaturze naukowej przy opisie roli rektora uniwersytetu jako zarządcy. Autor wyróżnia następujące aspekty zagadnienia: prawny, organizacyjny i socjokulturowy. Do uszczegółowienia wielu wniosków wykorzystano rezultaty analizy bazy danych, która zawiera informacje o charakterze biograficznym o 99 rektorach pięciu uniwersytetów w Imperium Rosyjskim (Kazańskiego, Kijowskiego, Moskiewskiego, Petersburskiego, Charkowskiego). W szczególności zauważono stopniowy awans rektorów według tabeli rang. Rektorzy uniwersytetów, wchodząc w sfery wyższych urzędników oraz jednocześnie będąc przedstawicielami kręgów liberalnych w społeczności uniwersyteckiej, stali się ważną częścią tak zwanej biurokracji liberalnej.

Słowa kluczowe: rektor uniwersytetu, biurokracja Imperium Rosyjskiego, biurokracja liberalna

NOTA O AUTORZE

Sergij Posokhov – profesor doktor habilitowany historii, dziekan Wydziału Historycznego Uniwersytetu Narodowego im. W.N. Karazina w Charkowie, stypendysta Niemieckiego Instytutu Historycznego w Moskwie. Autor wielu prac z zakresu dziejów oświaty w XIX w. i na początku XX w. w Imperium Rosyjskim. E-mail: istfac@univer.kharkov.ua